

И. В. Будцын

ЯЗЫК ИСТОРИКА КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО

дискуссии в английской методологии истории второй трети XX в.

Статья посвящена рассмотрению дискуссий, развернувшихся в английской теоретической историографии второй трети XX в. вокруг языка исторической науки как главного средства визуализации прошлого. Основное внимание автор уделяет вопросу о статусе языка историка. Определяется ключевая роль английской методологии истории в постановке и решении данной проблемы в рассматриваемый период.

Ключевые слова: визуализация, английская историография, язык историка, обыденная речь, социальная функция исторической науки, статус языка.

Почему именно «язык историка» рассматривается как основное средство визуализации прошлого? Термин *visualization* означает способность вызывать зрительные образы, делать видимым. Средства (способы) визуализации прошлого всегда были разнообразны. Достаточно вспомнить роман А. Толстого «Петр I» и картину В. Сурикова «Переход Суворова через Альпы» или оперу М. Мусоргского «Борис Годунов» и фильм С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин». Современность подарила нам еще более действенные средства: *телевидение* и последнее изобретение человеческого гения *интернет*. Но основным способом визуализации прошлого еще долго будет оставаться язык (устный и письменный). Ключевая роль языка исторической науки в том, что, *во-первых*, он единственный охватывает весь массив дошедшего до нас прошлого в целом, а не в отдельных его фрагментах; *во-вторых*, он является основанием для всех других способов визуализации.

Однако и в языке профессиональный подход встречает серьезную конкуренцию. «Интернет» дает возможность без особого труда, причем с использованием сразу всех, или, по крайней мере, большинства перечисленных выше средств визуализации создать зримый образ прошлого, подкрепленный зачастую псевдо-профессиональным языковым рядом.

Не секрет, что в последние десятилетия прошлое стало объектом повышенного внимания со стороны общественности. Многие тексты публикуются солидными тиражами и выкладываются в интернет, причем с соответствующим визуальным оформлением и «научным» обоснованием. И именно этими образами пользуется большинство школьников и студентов. Потом эти студенты приходят науку, которая, к сожалению, начинает развиваться уже на фундаменте IT визуализации истории. Такова современная действительность.

В этой связи задача профессионального сообщества историков не в том, чтобы, как писал Г. Баттерфилд, «закрывшись в башне из слоновой кости», взирать на происходящее у ее подножья с чувством собственной исключительности и уверенности в своей правоте, а в том, чтобы *возглавить и направить процесс визуализации прошлого в сознании современного общества*. Дать этому процессу прочное основание в действительно научной, скрупулезно выверенной профессиональной картине прошлого, которая в то же время должна быть доступна обыкновенному человеку. В этом, видимо, и заключается *социальная функция* исторической науки в современных условиях, а средством реализации этой функции как раз и является язык истории как основной способ связывания отдельных фактов прошлого в единую визуальную картину.

Второй вопрос – *почему английская историография?* Ответ очевиден: в английской историографии проблема языка как средства визуализации прошлого была поднята раньше, чем в других национальных школах. Еще в начале 1930-х гг. основатель английского «неоконсерватизма» Г. Баттерфилд сформулировал ряд вопросов, связанных с профессиональным языком исторической науки: вопрос о природе, составе, функциях языка историка, его соотношении с языком обыденной речи и т.д. В 30-60-х гг. в английской методологии истории проходили бурные дискуссии об историческом объяснении и историческом нарративе, которые касались, в том числе, механизмов перевода прошлого, зафиксированного в исторических источниках, в образы современного сознания.

Это уже позже появятся «Категории истории» Л. Халкина в Бельгии, «Язык и история» А. Дюпрона во Франции, «Язык историка» В. Моммзена в Германии, «Семантический анализ языка историка» Ф. Анкерсмита¹ и многие другие работы. А в то время именно английские авторы держали в данном вопросе пальму первенства.

Тому, что именно английская теоретическая историография в тот период оказалась в авангарде обсуждаемой проблемы, способствовали два обстоятельства. *Во-первых*, дискуссии по проблемам языка историка в Англии развернулись на общем фоне противостояния так называемых «старых» и «новых» путей в историографии², а поэтому приобрели особую остроту. *Во-вторых*, проблема языка (и языка исторической науки в особенности) стала основной в рамках третьего и четвертого позитивизма, который неофициально сами философы часто называют «английским». Речь идет об аналитической философии истории³.

¹ Halkin. 1969. P. 11-16; Дюпрон. 1970; Mommsen. 1984. S. 57-81; Ankersmit. 1983.

² Подробнее см.: Кейр. 1967; Нейман. 1978.

³ См., напр.: Бегашвили. 1965; Лооне. 1980; Грязнов. 1983.

В рамках статьи невозможно разобрать все аспекты языка историка как средства визуализации прошлого даже в том виде, в котором их сформулировал Г. Баттерфилд. Остановимся лишь на одной из них – *проблеме статуса языка историка*, которая приобрела форму противостояния *научного языка* в строгом смысле слова, и *языка обыденной речи*.

Во-первых, эта проблема прямо связана с упомянутой выше социальной функцией исторической науки. *Во-вторых*, она стала наиболее дискуссионной в английской историографии рассматриваемого периода. *В-третьих*, она является организующим центром, от которого лепестками расходятся многочисленные аспекты. К ним относятся: 1) соотношение *профессиональных понятий и терминов обыденной речи* в языке историка; 2) место *моральных и оценочных суждений* в исторических интерпретациях; 3) роль заимствованного *понятийного аппарата смежных дисциплин*; 4) место собственно исторической терминологии (*языка источников*) в словаре историка и другие.

Сразу отметим, что английские авторы, отождествлявшие язык историка с обыденной речью, не отрицали его принципиальной связи с действительностью, занимая реалистическую позицию в интерпретации природы исторических понятий. Вместе с тем, отмечая обыденный характер языка историка, они говорили о том, что последний не в состоянии создать адекватную картину прошлого, то есть *визуализировать то, что действительно было* в научных образах. Дело здесь в неспособности обыденного языка вскрыть суть событий и процессов, ибо он скользит по поверхности исторического бытия, не углубляясь в истинные причины происходящего (У. Х. Уолш, И. Берлин, П. Гардинер и др.)⁴.

Другие авторы, в основном представители «старых» путей, полагали, что язык историка профессионален, но его термины идиографичны. На своем языке историк может лишь описать уникальную и неповторимую конкретику прошлого – визуализировать для нас форму. При этом познание истории, ее движущих сил, основных закономерностей, тенденций и направлений развития остается *terra incognita*. «Если мы не можем, например, проникнуть тем или иным путем в сознание современного римского католического священника или в сознание оратора в Гайд-парке, – пишет Баттерфилд, – то трудно понять, как мы можем знать что-либо о людях XVI столетия или претендовать на понимание процесса создания истории»⁵. Дело в том, что такие понятия как «причины», «следствия», «закономерности», «движущие силы» и т.д., связаны со сравнениями и обобщениями, на которые индивидуали-

⁴ См., напр.: Walsh 1977 [1951]. P. 39.

⁵ Butterfield. 1951 [1931]. P. 9. См. также: Namier. 1952. P. 1; Fisher. 1937. P. V.

зирующий язык истории не способен. Поэтому, если история и наука, то в лучшем случае «в своем роде». Здесь мы видим, возрождение старой неокантианской дихотомии «идиографических» и «номотетических» наук. (Г. Баттерфилд, Л. Нэмир, М. Оукшотт и др.).

Наконец, большинство представителей «новых» путей поддержало мнение о том, что индивидуализирующий язык историка нельзя рассматривать в качестве разновидности научного языка даже «в своем роде», так как, являясь языком обыденной речи, он склонен к морализации и оценочным суждениям, которые в научной визуализации недопустимы. Например, в научном подходе не может быть таких понятий как «варфоломеевская *резня*», «мюнхенский *сговор*» или «*охвостье* долгого парламента» (Э.Х. Карр, Г. Лэфф и др). В данном случае мы видим, как сначала подменяется неокантианское «отнесение к ценности» моральными оценками, а затем на этом основании, делается вывод, что историческая визуализация не может рассматриваться как разновидность научного опыта даже в его неокантианском смысле. Для этих авторов историческая визуализация является разновидностью художественного творчества, своеобразным историческим романом.

Представители «старых» путей увидели в данном подходе большую опасность. Отождествление языка историка с обыденной речью давало широкий простор для морализации истории, то есть того «порока», против которого как раз и выступали основатели неоконсерватизма.

Вопрос о роли моральных и оценочных понятий в языке историка был поднят Г. Баттерфилдом еще в «Вигской интерпретации истории», вышедшей первым изданием в 1931 г. Второе издание работы (1951) совпало с выходом его новой книги «История и человеческие отношения». Баттерфилд выступил против применения в ходе визуализации прошлого таких понятий как «добро», «зло», «верно», «неверно» и т.п., считая, что это ведет к превращению истории в арену борьбы добра и зла, в которой добродетель всегда побеждает и ассоциируется с теми, кто в данный момент находится у руля государственного управления. Критикуя либеральную историографию за чрезмерную драматизацию истории, Баттерфилд обвинял вигов в том, что они приписывали исключительно себе право «выступать от имени партии прогресса»⁶. Для того, чтобы вернуть историю в лоно наук, заявляет он, необходимо *элиминировать из языка историка все моральные и оценочные понятия и суждения*. Только таким образом можно добиться адекватной визуализации прошлого исторического опыта⁷.

⁶ См.: Butterfield. 1951 [1931]. P. 64-89; Idem. 1951. P. 163, 170-171.

⁷ Idem. 1951. P. 103, 246.

Оппонентом точки зрения Г. Баттерфилда выступал И. Берлин. Уже в работе «Историческая неизбежность» (1954), а затем в программной статье «История и теория. Понятие научной истории» (1960) он заявляет, что из языка историка невозможно устранить моральные и оценочные понятия и лишить его аналогичных суждений по той простой причине, что он (язык истории) является языком обыденной речи, использование которой в исторических трудах неизбежно. Эта неизбежность определена социальной функцией истории, смысл которой в переводе прошлого, дошедшего до нас в не всегда понятных отрывочных данных, зафиксированных в источниках, в доступные и однозначно понятные современному восприятию образы. И. Берлин видел основную проблему в том, что язык обыденной речи «в явлениях постигает лишь видимую сторону дела, а не суть происходящего»⁸. Развивая эту мысль в «Концепциях и категориях» он приходит к выводу, что, «несмотря на использование общих понятий и предположений, без которых не может быть вообще никакой мысли и языка», историки рассматривают их лишь как средства «моральной и эстетической» визуализации прошлого⁹. Это, в свою очередь характеризует историю в большей степени как разновидность обыденного сознания, нежели науку в строгом смысле слова. Аналогичную позицию занял в начале 1950-х гг. и известный философ П. Гардинер, отмечая, что язык истории *не может быть точным* и определенным, как, например, язык математики или другой науки. «Неточность» – это естественное состояние исторической терминологии, так как обыденный язык, «будучи склонным к поспешным генерализациям», видит лишь то, что находится на поверхности явлений¹⁰.

Однако в то время более популярной оказалась точка зрения Баттерфилда. Его поддержали многие сторонники «старых» путей, прежде всего С.В. Веджвуд и М. Оукшотт. В работе «Правда и мнение» (1960) Сесилия Веджвуд, рассуждая о ремесле историка, писала, что он имеет право заниматься практически любыми вопросами, давать относительно них свои комментарии, например, «может рассматривать предпосылки инквизиции, объяснять ее функции и практическую деятельность... но он должен избегать открытых высказываний о том, были ли они хорошими или плохими. Она (инквизиция – И. Б.) просто *была* и должна быть рассмотрена беспристрастно в отношении к ее историческому фону»¹¹. М. Оукшотт еще в работе «Опыт и его формы» (1933), а затем в

⁸ См.: *Berlin*. 1959. p. 51, 53; *Idem*. 1963. P. 101-103.

⁹ *Idem*. 1978. P. 132, 138.

¹⁰ *Gardiner*. 1952. P. 7-8.

¹¹ *Wedgwood*. 1960. P. 49.

эссе «Быть историком» писал, что все моральные понятия и категории, такие как «правильно» и «неправильно», «хорошо» и «плохо», «справедливо» и «несправедливо», являются субъективными. Их употребление *зависит от личности историка* и ведет к искажению исторической правды. Поэтому все «моральные суждения... не должны иметь места в его трудах», историк обязан освободиться от всякого проявления своего личного отношения, выраженного в моральных понятиях, избежать морального «осуждения или оправдания, восхваления или порицания», которые ведут к искажению образа прошлого в глазах современников¹².

Существенную эволюцию в процессе дискуссии претерпели взгляды известного историка Х. Тревор-Ропера. В работе «История профессиональная и непрофессиональная» (1957) он отделил историю от наук, мотивируя это тем, что она, как знание гуманитарное, должна использовать язык обыденной речи, чтобы выполнить свою социальную функцию. Тенденция к профессионализации языка историка ведет к непониманию прошлого современными людьми, поэтому, писал он, «я выступаю против профессионализма...»¹³. Но через некоторое время в статье «Прошлое и настоящее. История и социология» он уже настаивает на необходимости специализации историков, называя попытки рассматривать прошлое сквозь призму современных оценочных терминов «вульгаризацией и ошибкой», и призывает создавать картину прошлого, *используя язык самого прошлого*, т.е. язык исторических источников¹⁴. Аналогичные позиции занимали тогда Р. Парс, Дж. Плам, Веджвуд и др.

С попыткой примирения «старых» и «новых» взглядов по данному вопросу выступил Дж. Р. Элтон. Он отмечал, что «история должна объясняться в терминах, приемлемых для всех людей, а не только для специалистов». В то же время, история – это наука, и как таковая использует специальную «техническую» терминологию, которая может быть как собственно исторической, так и заимствованной из других дисциплин. Важно не допускать перерастания «технических терминов» в «жаргон», что может привести к созданию «фальшивой научной структуры», не находящей подтверждения в терминах обыденной речи и, как следствие, к непониманию смысла прошлого. Чтобы этого не произошло, необходимо использовать «технические термины» в строго историческом контексте, для которого их употребление оправдано¹⁵. Позднее, возглавив Королевское историческое общество, в своем президентском обра-

---

¹² Oakeshott. 1962. P. 141.

¹³ Trevor-Roper. 1957. P. 18.

¹⁴ Idem. 1969. № 3. P. 16.

¹⁵ Elton. 1967. P. 110, 112.

щении Дж. Элтон призовет английских историков писать историю в терминах самого прошлого, усматривая в этом одно из существенных проявлений подлинно исторического метода¹⁶.

Специфическую позицию в академических спорах занял известный специалист по Французской революции А. Коббэн. Еще в 1956 г. в программной статье «Словарь социальной истории», опубликованной в журнале *“Political Science Quarterly”* он отрицал возможность отождествления языка историка с обыденной речью, называя подобные попытки «наивной историей», далекой от научного понимания прошлого. Неверным, с его точки зрения, будет и использование «слишком абстрактных», а потому неприменимых в исторических исследованиях понятий смежных наук, например, социологии. В то же время он выступил и против заимствования терминологического аппарата для современной визуализации прошлого *из самого прошлого*, т.е. из исторических источников. По мнению Коббэна, понятийный аппарат может быть выработан только в ходе конкретных исторических исследований каждый раз заново¹⁷.

Дискуссия о соотношении языка историка и обыденной речи порождает ряд соображений. Использование языка обыденной речи не является спецификой лишь исторической науки: практически все науки социально-гуманитарного цикла представляют свои результаты на языке обыденной речи. И дело не в специфике самой науки, а в той социальной функции, которую она выполняет. Кроме того, использование одних и тех же терминов в обыденной речи и в исторической науке неодинаково. Дж. Н. Кларк отмечал, что специалисты и неспециалисты «вкладывают различное содержание в понятие «индустриальная революция»¹⁸. Ф. Багби считал, что, несмотря на использование историками обыденного языка, они должны четче определять свои понятия, чем это делается в обыденной речи или в литературе¹⁹. А Дж. Барраклоу в своем президентском послании Королевскому историческому обществу прямо говорит о наличии *двух историй*: истории для *обыкновенного человека* и для *специалиста*, которые следует писать на *двух разных языках*²⁰.

Очевидна сложность соотношения обыденного и научного употребления одной и той же терминологии в процессе визуализации про-

¹⁶ Idem. 1977. P. 205.

¹⁷ См.: Cobban. 1956; Idem. 1964. P. 15, 17.

¹⁸ Clark. 1953. P. 6. Такого же мнения придерживался позднее А. Марвик, полагая, что в отличие от обыкновенного человека, который не всегда понимает значение терминов, используемых в повседневной жизни, историк точно знает, о чем он говорит. Marwick. 1971. P. 195-222.

¹⁹ См.: Bagby. 1958. P. 204.

²⁰ Barraclough. 1967. P. 7.

шлого. Понятийное содержание термина в научном и обыденном употреблении отличается; вместе с тем, между ними нет «китайской стены». Дело в том, что в обыденном сознании, как и в науке, происходит взаимосвязанное развитие содержательной стороны терминов (развитие понятий). То, что вчера было известно лишь узкому кругу специалистов, сегодня становится всеобщим достоянием. Таким образом, происходит своеобразное «подтягивание» обыденного сознания до научного уровня в смысле понятийного содержания терминологии. Однако возможно и обратное влияние обыденного сознания (например, политического) на профессиональное использование терминологии, что в большинстве случаев не приносит положительного результата. Поэтому, предполагая неизбежность использования обыденного языка в профессиональной визуализации прошлого, наука история должна оперировать и специфическими историческими понятиями, отличными по содержанию от понятий обыденной речи, даже если они совпадают терминологически.

Вместе с тем, использование в языке историка расплывчатых, многозначных, несущих аксиологическую нагрузку терминов обыденной речи, в процессе визуализации прошлого порождает еще одну проблему – *проблему точности (адекватности) тех образов, которые создает историческая наука*, а, следовательно, и проблему точности самого языка историка, как основного средства визуализации, прямо связанную с английской философской традицией²¹. На наш взгляд, эта проблема распадается на два принципиальных вопроса: 1) является ли образ прошлого «точным», с точки зрения полноты картины, присутствия всех, или, по крайней мере, большинства существенных деталей; 2) является ли он «точным» с точки зрения верного понимания сущности происходящих процессов. Без ответа на эти вопросы проблема статуса исторической визуализации не может иметь законченного решения. Однако, это уже тема для отдельного исследования.

В заключение выскажем убеждение в том, что проблема визуализации прошлого гораздо шире и глубже, чем вопрос чисто профессиональной его интерпретации. *Это важнейший вопрос формирования и сохранения социальной памяти в условиях глубокой трансформации общества*, очевидцами и современниками которой мы являемся.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бегаишвили А.Ф. Современная английская лингвистическая философия. Тбилиси. 1965. 111 с.

---

²¹ «Пристальное внимание к языку, – пишет А. Ф. Грязнов, – критику затруднений, вызываемых неточностью языка, тоже можно отнести к элементам национальной (английской – И. Б.) традиции». Грязнов. 1983. С. 128 прим.

- Грязнов А.Ф. Концепция «аналитического реализма» в новейшей британской философии // Вопросы философии. 1983. № 10. С. 128-136.
- Дюпрон А. Язык и история (XIII МКИИ). М. 1970. 70 с.
- Лоне Э.Н. Современная философия истории. Таллин: Ээсти раамат, 1980. 293 с.
- Нейман А.М. «Старые» и «новые» пути в истории. Некоторые проблемы методологии в английской буржуазной историографии 30-60-х гг. XX в. Автореф. к.и.н. Томск. 1978. 21 с.
- Порк А. А. Историческое объяснение. Критический анализ немарксистских теорий. Таллин: Ээсти раамат, 1981. 243 с.
- Ankersmit F.R. Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language. The Hague; Boston; L., 1983. 265 p.
- Bagby Ph. Culture & History. L.: Longmans, Green & Co, 1958. IX, 244 p.
- Barracrough G. History & the Common man. Presidential Address. L.: OUP, 1967. 16 p.
- Berlin I. Historical Inevitability. L.: OUP, 1959. 79 p.
- Berlin I. History & Theory. The Concept of Scientific History // Generalizations in historical Writing / Ed. A. V. Riasanovsky, B. Riznic. Philadelphia: PUP, 1963. P. 60-113.
- Berlin I. Concepts and Categories. L.: The Hogarth Press, 1978. XVIII, 202 p.
- Butterfield H. The Whig Interpretation of History [1931]. L.: G. Bell & sons, 1951. 132 p.
- Butterfield H. History and Human Relations. L.: G. Bell & sons, 1951. 254 p.
- Clark G.N. The Idea of the Industrial Revolution. Glasgow: Jackson, 1953. 33 p.
- Cobban A. The Vocabulary of Social History // Political Science Quarterly. 1956. V. 71. No. 1. P. 1-17.
- Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge: CUP, 1964. XXII, 178 p.
- Elton G.R. The Practice of History. L.: Methuen, 1967. VIII, 178 p.
- Elton G.R. The Historian's social function // Transactions of The Royal Historical Society. 5-th series. V. 27. 1977. P. 197-211.
- Fisher H.A.L. A History of Europe. L.: Arnold & Co, 1937. P. XIV, 1301 p.
- Gardiner P. The Nature of Historical Explanation. L.: OUP, 1952. XII, 142 p.
- Halkin L.E. Les Catégories en Histoire // Les Catégories en Histoire / Publ. par Ch. Perelman. Bruxelles. 1969. P. 11-16.
- Keir D.L. Old ways & new in History // Irish Historical Studies. 1967. V. 15. No. 60. P. 214-227.
- Marwick A. The Nature of History. N.-Y.: Knopf, 1971. XXIII, 346 p.
- Mommsen W. Die Sprache des Historikers // Historische Zeitschrift. 1984. Bd. 238. H. 1. S. 57-81.
- Namier L. Avenues of History. L.; N.-Y.: Macmillan, 1952. 202 p.
- Oakeshot M. Rationalism in Politics & other Essays. N.-Y.: Basic Books, 1962. 333 p.
- Trevor-Roper H.R. History: Professional and Lay. Oxford: OUP, 1957. 23 p.
- Trevor-Roper H.R. The Past & the Present. History & Sociology // Past & Present. 1969. No. 3. P. 3-17.
- Walsh W. H. An Introduction to Philosophy of History. L.: Hutchinson Univ. Libr., 1977. 215 p. (1-st pub. 1951).
- Wedgwood C. V. Truth and Opinion. N.-Y.: Macmillan, 1960. 254 p.

Будцын Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории и теории государства и права Нижегородского коммерческого института; budig@mail.ru